

АНАТОЛИЙ СУХАНОВ

СТАТЬ ЦАРЕВНОЙ

РАССКАЗ

Вокруг шумел возбужденный юг. Городские бульвары перегружены толпами людей. Люди движутся от источников к центру парка. Гуляют по аллеям. Мелькают шляпы, погоны, вуали. Хруст гравия, запах духов. Раскланиваются, замедленно прикасаясь к мягким полям шляп или твердому офицерскому козырьку. Останавливаются возле рекламной тумбы, обмениваются замечаниями, читают вслух.

Пестрые цыганские шали афиш соблазняют: «Ночь любви», «Тайны гарема».

Высокий господин в шляпе-канотье с черной лентой на тулье насмешливо тянет: «Э, полно, батенька! Какие тут тайны! Все давно подсмотрено, описано и напечатано издательством Гугенхейма и семейным концерном Дюма!»

Но однажды прямо на опереточные дивертисменты ложится коротенькое, от руки написанное голубой акварелью объявление: «Гастроли актрисы императорских театров Марии Григорьевны Савиной».

И «Тайны гарема» мгновенно забыты, и никого больше не интересуют «Ночи любви», пока висит это скромное объявление.

В пристройке, заменяющей фойе, на утрамбованном земляном полу с белой крошкой опилок по углам, подавали мороженое, лимонад, папиросы, стояли

вразброс стулья. Густыми слоями плыл табачный дым. Перебивали друг друга голоса: на ее спектакли билетов не достать!

— Да, где уж там! Мне удалось, так только с запиской его превосходительства...

— Потому что она, милостивый государь, играет самое себя! Истинное слово!

— А вы знаете, как было на ее гастролях в Минске? До премьеры один день, а пьесу срочно меняют. Представляете пассаж!..

А в это время она сидела в гримерной, и мысли ее были далеки в от этого большого дощатого сарая с низкими панелями, торопливо обтянутыми какой-то крикливой, невообразимых тонов материей, и от переполненного фойе, в котором незнакомые ей люди громко говорили о ней.

Привычно ощущая сладковатый запах грима, она точными неспешными движениями прикасалась ко лбу, глазам, и по мере того, как грим преображал ее лицо, она все реже бралась за кисточку.

Наконец, она в последний раз оглядела себя в зеркале, отодвинула коробку с гримом и отошла к окну.

Вечерний и синий, как бы акварельный дым тихо стлался над вершиной Машука и сползал в долину, над которой медленно перемещалось в летнем небе одинокое облако.

Постепенно оно менялось, принимало причудливые формы каких-то фантастических животных, словно перевоплощалось.

Перевплощалося... Она произнесла это слово вслух и задумалась. Не с этого ли, собственно, и началась ее жизнь актрисы...

Но, боже мой, как давно это было!

Маленькая комната с рушниками, в которой вяжет что-то сухая старушка, а возле нее сидит маленькая-маленькая девочка, и эта девочка — она сама. А если отворить ставень, то ворвется в комнату лунный свет, и тогда покажется, что лампа погасла.

Мелькают, словно перебрасывают невидимые мячики, спицы, таинственно и глухо звучит бабкин голос.

«А была та Кондратиха ведьмачкой. Человека загубить или там порчу какую навести на скотину — для нее это самое любимое дело. А то падет на землю, повернется через голову и станет кем захочет. Только искупается перед тем в крапиве жгучей ночью, когда роса упадет и луна полная...»

И пятилетняя девочка зажмурится от сладкого ужаса. И видится ей, как на пустынном речном берегу в росных травах падает она на землю и встает белой лебедью.

Царевной-лебедью. Она быстро взмахивает крыльями и летит куда-то далеко-далеко, а куда — и сама не знает. Вот бы иметь такую силу! Она не стала бы губить людей, нет! Она сделала бы так, чтобы все люди были счастливыми, добрыми. И с этими мыслями она засыпает. Тогда бабка бросает спицы, ласково шепчет: «умаялась» и несет ее, сонную, в постель.

Проходят дни, и однажды ночью она просыпается от того, что лунный луч, дымно и длинно светясь, ожег ее руку. Да, она помнит, что во сне ее обожгло, но было совсем не больно, а только горячо. Сев в кровати, она осматривает розовую ладонь, но ей ничего не видно. Тогда она, ощущая босыми ногами холод пола, подходит к окну и открывает ставень.

Полная луна заливала светом

старый сад. И вспомнились ей бабкины слова:

«Чтобы роса была и луна полная...» Это была такая ночь, ночь для нее! Она давно ждала этого пробуждения. Оно ей снилось. Грезилось как чудо. Так пусть чудо, наконец, случится!

Замирая от волнения, она оделась и, что-то торопливо шепча про себя, вышла в сад. Заросшие дорожки уходили под деревья, плотная тень лежала на них, и они были совсем темными, как глубокая вода.

Она настороженно осматривается и испуганно приседает, увидев, как коротко и страшно вспыхивают волчьими глазами осколки битого стекла на земле. Но все было тихо. Только далеко на пруду кричали лягушки, словно это стонали заколдованные царевны. Царевны-лягушки... А может, она тоже заколдована и ей надо скорее сбросить кожу, чтобы стать царевной?

Осторожно ступая и оглядываясь, она идет в дальний угол сада, где душно и сыро пахнет цветущая бузина. Потом останавливается, потому что совсем уже заступают ей дорогу огромные лопухи и крапива с острыми, зазубренными листьями, на которых то загораясь, то пропадая, дрожат крупные зерна росы. На минуту ей становится страшно: «А вдруг не царевной будет — просто лягушкой?! Нет, не может быть!»...

А если лягушка, то это только поначалу, ненадолго...

А потом все равно царевна! Она быстро разделась, сжимаясь всем детским телом, и зажмурившись, бросилась вниз.

Она упала в мокрые заросли крапивы, как герои сказок, испытывая свою судьбу или пытаясь вернуть утраченную молодость, ныряли в гудящее пламя или в изрытое пузырями парное варево котла. Словно огонь костра охватил, стиснул ее пожаром, потом стал твердым и разбился от удара на тысячу осколков, горячо и больно поранивших тело.

Вскрикнув, она поднялась, открыла глаза. Все так же стояли деревья

и светила луна. Медленно выпрямилась примятая крапива. Насмешливо кричали лягушки. И она по-прежнему оставалась шестилетней девочкой Машей. Чуда не случилось. Тогда она торопясь, невпопад отыскивая пуговицы, оделась и, всхлипывая от обиды, пошла к дому.

Несколько дней она лежит в постели, опухшая, спеленутая бинтами и компрессами, и, широко открыв воспаленные глаза, упрямо шепчет: «Все равно стану царевной!».

Взрослость, как и мудрость, приходит с болью. После той ночи она расстанется с одной из детских иллюзий. А с годами появляется стремление увидеть в людях нечто такое, что особенно свойственно им, найти те черты, детали, которые с наибольшей полнотой выражают неповторимые характеры людей. Вот соседская горничная Настя. Если она в настроении и день у нее «легкий», то это заметно даже по одежде: и платье как-то по-особенному, и в косу ленты заплетены яркие, чаще голубые. А если день не задался, то и волосы у нее расчесаны кое-как, и смотрит почти все время вниз, и лента незаметная.

Попробовала представить себя Настей грустной, взяла темную ленту — нет, не получится! Не печально ей! Но вот однажды родители не взяли ее в театр на давно обещанный спектакль. Надавали скучных наставлений, на шумели и уехали. Осталась одна. Муха с жужжанием летала вокруг большой висячей лампы со стеклянным абажуром. Маятником качалась по стене ее тень. Одиночество. Стало грустно. Повязала темную ленту, подошла к зеркалу, пожаловалась своему отражению: «Гадкие родители оставили Машеньку одну. Грустно Машеньке!».

Сняла ленту, по грусть не проходила.

Вдруг подумалось: «Не лента выбирает настроение, а настроение ленту».

Так впервые узнала, точнее догадалась о том, что много лет спустя обрело свое точное, хотя и скучное

название: «Причина и следствие».

В дверь постучали. Она повернулась па стук, ответила громко, чтобы услышали за дверью:— Войдите!

Дежурный администратор поставил возле окна корзину с цветами:— Вам, Мария Григорьевна! — вздернул манжету, глянул на часы:— Через десять минут ваш выход!

Когда стихли его шаги, она повторила медленно, как бы вслушиваясь в звучание сказанного: «Ваш выход!»

Сколько раз не похожие друг на друга люди произносили эти, обращенные к ней, слова! И как по-разному они это делали!

Доверительно и вполголоса выговаривал их элегантный, надушенный телеграфист на любительских спектаклях ее юности, выполняя обязанности сценариста. Он терпеливо ждал, пока она, порозовевшая и возбужденная, встанет от гримерного столика, потом, предупредительно распахнув дверь, делал шаг в сторону и, пропустив ее, долго смотрел вслед. Он был влюблен, наверное. Как строго, даже недобро сказал их одетый в черный фрак служащий Приказчицкого клуба, где на Великий пост она впервые выступила в Петербурге.

Но спектакль удался. Овации, цветы. Сам губернатор повернулся к адъютанту:

— Как фамилия этой новенькой? Савина? Превосходно играет! Взаправду и без «кислоты», которой хоть отбавляй у наших избалованных примадонн!

Успех... Предложение выступить в Александринском театре. И с этой поры начинается для нее подлинная и волнующая работа на сцене.

«Не знаю, не умею, не хочется — слова запретные. Должна! На подготовку роли 2—3 дня». Сколько их было! Разные пьесы, разные роли. Хорошие и плохие, заставляющие думать и срывающие недорогой успех у публики. Пьесы, благосклонно навязанные высокопоставленными покровителями и выбранные для себя, когда каждое слово, каждый порыв проникает в душу. Именно такой

была пьеса Тургенева «Месяц в деревне». Ее отговаривали: «Пьеса-то давно примерзла, Мария Григорьевна! Что умерло, то не воскреснет. И роль-то берете тeneвую! Бедная воспитанница-сиротка... Только бенефис портить!»

Она задумалась. Сам автор печатно объявил свою пьесу непригодной для сцены. И какой автор! Писатель с мировым именем! Но так полюбилась ей эта угловатая 18-летняя девочка, которую судьба лишила родных, но не лишила чистоты и мужества, что она решила: «Беру!» Но сначала потребуется согласие Тургенева. Писатель растроган, но не скрывает опасения: «Согласен, но сожалею, так как пьеса не для сцены и недостойна вашего таланта». Но и это не останавливает ее. Вместе с актерами она работает над текстом пьесы. Пятиактная драма сведена к трем действиям. Оставлено самое главное, где «сердце стучит так, что его слышно в зале».

А между тем из Парижа снова приходит письмо, испещренное печатями и затейливыми росчерками почтовых чиновников: «Считаю своим долгом напомнить о неудаче первого показа... Снимаю с себя всякую ответственность... Тургенев».

Но это уже ничего не меняет и не решает.

Морозный, цветной от фонарей вечер. Вдоль Невы тянет знобящим ветром, но город, словно брошенный к ногам бронзового всадника, топчущего на вздыбленном скакуне змею, полон жизни.

К высокому, с колоннами зданию императорского театра подкатывают лакированные экипажи, подлетают открытые возки лихачей. И оживленные, нарядно одетые люди поднимаются по широкой, словно выбеленной снегами, лестнице.

А за кулисами еще поспешно устанавливают последние декорации, и помощник режиссера кричит сдавленным голосом: «Облака! Куда дели облака!»

Она чутко прислушивается к голосам за сценой, к равному, сдер-

жанному гулу, постепенно наполняющему зал, и в который уже раз больно стискивает ладонями виски, стараясь сдержать волнение. Она знает, что там, в зале, в первой ложе справа сидит высокий седоволосый человек и, коротко покашливая, часто подносит платок к губам и тоже волнуется. Этот человек—Тургенев. Она знает, что зал будет смотреть, следить за ними обоими, ловить каждое слово, жест и быть может, поэтому так дрожит ее голос, когда, гладко причесанная, в короткой институтской блузке, она появляется на сцене и подает свою первую реплику: «Вы меня звали, Наталия Петровна?»...

Когда стихают, наконец, аплодисменты и опускается занавес, Тургенев проходит за кулисы. Он берет ее за руку и, подведя поближе к розовому рожку, говорит, внимательно всматриваясь в ее лицо: «Верочка... Неужели эту Верочку я написал?! Я даже не обращал на нее внимания, когда писал... Вы живая Верочка... Вы сделали чудо!»

Мария Григорьевна, захваченная воспоминаниями, глубоко задумывается, но громкий звонок в зале, а потом уже здесь, за сценой, возвращает ее к действительности. Она не в морозном, словно плывущем куда-то Петербурге, а в маленьком курортном городке, и за окном лиловые вершины и запахи незнакомых трав. Вскинув руку с бронзовым колокольчиком, помощник режиссера идет по проходу. Ближе, ближе... Сейчас он подойдет к ее дверям и скажет: «Ваш выход!»

Она улыбается, потому что он действительно произносит именно эти слова, и тогда она громко отвечает: «Да, я готова! Иду!»

И ее сердце стучит все так же громко и часто, как в ту ночь, когда маленькой девочкой она стояла в саду и, крепко зажмурив глаза, ожидала чуда.